моменты-сцены суть моменты единой сцены, которой имя "Война и Миръ". Но гдъ цъльность той геніально задуманной сцены, геніально выполненной въ тысячахъ мелочахъ: все зданіе "Войны и Мира" стоитъ передъ нами все еще въ творческихъ лъсахъ. Коллективная душа русскаго народа, раздробленная Толстымъ въ суммъ его борящихся и страдающихъ героевъ, не сложилась въ "Войнъ и Мири". Нътъ здъсь естественной точки архитектоническаго единства и въ этомъ смыслѣ нѣтъ композиціи: есть какъ бы нъсколько намъченныхъ точекъ, символизирующихъ все зданіе: Платонъ Каратаевъ, Кутузовъ, частью Пьеръ Безуховъ. Всѣ многообразные ручьи толстовскаго творчества текутъ въ "Войнъ и Миръ" къ одному пункту: все здѣсь — одно къ одному; и вы ждете пересъченія многообразія средствъ въ единой конечной цъли. И вдругъ конечная цёль самочинно врывается въ геніальный романъ въ видъ нарочитой статьи о войнъ. А ручьи-средства, души героевъ, неожиданно отъ васъ скрываются, ибо васъ не удовлетворяеть Наташа, Пьеръ и Николай Ростовъ, изображенные въ заключительномъ аккордъ романа. Царственная дорога романа, вамъ казалось, вела къ великолъпнъйшему дворцу: и вдругъ-на дорогъ шлагбаумъ въ видъ нравоучительныхъ разсужденій: какъ бы ни были они глубоки, они—не искусство. Геніально построено многообразное зданіе, но увънчано оно не блистающимъ куполомъ, а... соломой. "Много шуму изъ ничего" могъ бы сказать лютый недругь Толстого. Мнь сейчась возразять, что вь "Войнь и Миръ" главное содержаніе есть изображеніе общаго быта тог-дашней Россіи; но скажу вмёстё съ Мережковскимъ, что тутъ скоръй быть русской души, не прикръпленный къ опредъленной эпохв. Мив возразять, что въ изображении этого дущевнаго быта Толстой первый изъ русскихъ художниковъ слова осозналъ этотъ быть. Въ этомъ смыслѣ Толстой—Колумбъ имъ открытой Америки. Возражать противъ этого—было бы итти наперекоръ очевидности. Но если бы главной задачей Толстого было открытие новой Америки (кстати сказать, совершенное имъ попутно), а не исканіе смысла этого открытія, къ чему разсужденія о войнѣ и Кутузовъ во образѣ и подобіи нѣкаго буддійскаго мудреца, побѣждающаго Наполеона магіей своей Нирваны; если бы художественное осознаніе проблемы Востока и Запада не было главной рукодящей задачей Толстого, а двънадцатый годъ, Наташа, Андрей лишь